





Читайте в серии
молодежное российское фэнтези:

Алекс Джун "Спи, Алиса"

Дельта Корнер "Убийца Королей"

Кайса Локин "Сумеречный сказ"

Екатерина Соловьева "Избранник смерти"

Елена Добрынина "Эмма Дженкинс"

Натали Рок "Кровь и Клятва"

Натали Рок

КРӨВЬ
И
КЛЯТВА

Freedom

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р66

Иллюстрация на обложке *Милтн*

Карта на форзацах *Мариш Самариной*

Художественное оформление *Екатерины Ледковой*

Рок, Натали.
Р66 *Кровь и Клятва / Натали Рок. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. : ил. — (Young Adult. Молодежное российское фэнтези).*

ISBN 978-5-04-189102-2

Меня зовут Эания, и я полукровка. Война между людьми и эльфами длится долгие годы. Мои враги мечтают заполучить эльфийскую способность управлять стихиями и пойдут ради своей цели на все. Кровавый маг, карающая рука людской власти, стал виновником смерти моей матери. С тех пор я поклялась, что стану сильнее и покончу с магами крови. Первой целью станет тот, кто отнял у меня самое дорогое. Беспощадный, не знающий жалости, он заслуживает смерти. Моя рука не дрогнет. Я была уверена в этом, пока не встретилась со своим врагом лицом к лицу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189102-2

© Натали Рок, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024



Родной

Я не собираюсь принимать участие в войне, не собираюсь сражаться и нести ответственность за кого-то, кроме себя.

И маме это хорошо известно. Но она упрямо пытается вырастить из меня саму себя — могущественную чистокровную эльфийку. Что, по сути, невозможно, потому что во мне течет человеческая кровь.

— Эания! — зовет она со двора. — Время тренировки!

Я тяжело вздыхаю, споласкиваю руки от пыли, прилипшей к пальцам после сбора трав в лесу, и иду к ней. Мама магией воздуха подхватывает горшок с землей с другого конца двора и, заметив мое угрюмое выражение лица, напоминает:

— Через пару недель тебе исполнится восемнадцать, а ты до сих пор не овладела всеми четырьмя стихиями.

— Зато в совершенстве владею одной.

— Этого недостаточно. Возьми горсть земли и встань напротив меня.

Бесполезно спорить, когда мама в таком настроении, потому я послушно беру землю и встаю там, где сказано. Стихия не поддается ни через минуту, ни через десять. Она противится мне, а мамин взгляд тяжелеет. До меня доносится какой-то шум, и я с удовольствием отвлекаюсь от бесполезного занятия, выглядывая за невысокий бревенчатый забор:

— Ты это слышишь? Кто-то кричит...

Порыв ветра, словно мягкое прикосновение ладони, поворачивает мою голову обратно, голос мамы сух и строг:

— Эания, сосредоточься. Все внимание на землю в твоей руке. Почувствуй ее податливость, она уже готова тебя слушать. Такая же земля находится в горшке. Подними ее.

Я вздыхаю и недовольно сужаю глаза на горшок у маминых ног. Сдуваю с лица рыжую прядку, сжимаю кулак с землей сильнее и напрягаюсь.

Ну же! Взлетай!

— Не пытайся подчинить ее своей воле! Ты проводник! Укажи ей путь!



Я хитро улыбаюсь, разжимаю кулак с землей и растопыриваю пальцы в стороны, чтобы поймать ими ветерок. Направляю воздух в зазоры между каменными стенками горшка и утрамбованной в нем землей и толкаю вверх. Земля выскакивает из горшка, как пробка из бутылки, а затем рассыпается по траве. Черная пыль оседает на подоле маминого платья.

— Эания, — устало вздыхает она, — ты должна уметь сражаться!

Меня снова привлекает шум, но я продолжаю привычно спорить с мамой:

— Война не касается лично меня.

— Да-да, однажды ты сбежишь в Пустошь и заживешь вольно, — мама в два счета возвращает землю в горшок, словно та не вылетала вовсе, и строго смотрит на меня. — Ну а пока...

Теперь до нас доносится металлический лязг, и мама его тоже слышит. Она спешит к забору, у которого уже стою я, и вглядывается в конец улицы. Многие из наших соседей поступают так же, у всех на лицах застыл страх.

— Маг крови...

Я вижу вдаль мужчину в черном балахоне с капюшоном. Он гордо восседает на могучем черном коне. Вестник смерти. Или сама смерть в человеческом обличье. Марионетка в руках жестоких кукловодов — людей.

Нам всем пришел конец.

Мама хватается меня за руку и тянет к дому:

— Эания, похоже, сбежать тебе придется раньше, чем ты планировала.

Я замечаю едва ли не одновременно с ней:

— Ты говорила, что война придет сюда еще не скоро!

— Это было больше пяти лет назад.

— Постой, ты не пойдешь со мной? Но...

— У тебя мало времени, милая! — отпускает она мою руку и бросается к сундуку со своими бумагами. — Возьми сумку и собери себе в дорогу еды. Не забудь про воду. Эания, собирайся, ну же! Немедленно!

Я стискиваю зубы и бегу на кухню. Тревога сжимает сердце, во рту горчит, а глаза печет. Но это не первый наш побег, мы справимся. Выживем. Все как всегда. И мама обязательно уйдет вместе со мной.

Нахожу в корзине с лесными травами свою поясную сумку и тут же закрепляю ее на талии. Забрасываю внутрь небольшие склянки с целебным порошком, огниво и другие важные мелочи, что попадают на глаза. С крюка у задней двери снимаю колчан со стрелами и лук. Беру наплечную сумку и быстро заполняю ее едой и водой. Оставив припасы у двери, возвращаюсь в общую комнату.



Мама набрасывается на меня, как ястреб на добычу. Ее белокурые волосы парят в воздухе, словно обдуваемые ветром, глаза горят, как два ярких факела в ночи, но выражение лица остается спокойным и строгим. Мама нервно впивается ногтями в мои плечи и быстро говорит:

— А сейчас, Эания, слушай меня внимательно! В этот раз тебе предстоит бежать одной. Как можно дальше отсюда. Не оглядываясь. Я знаю, что ты справишься. Эта карта подскажет путь, слушай ее и свое сердце, они не обманут.

— Мам... — сглатываю я ком в горле.

— Ты обязана спастись, слышишь? И обязана слушать свою мать! Я останусь, чтобы задержать мага крови, спасти тех, кого еще можно спасти. Я здесь единственная из чистокровных и несу ответственность за свой народ. Как и ты, как и все те, в ком течет эльфийская кровь. Ты еще не понимаешь этого, но однажды поймешь. А сейчас...

Мама вкладывает свернутый пергамент в мою сумку, а затем снимает с себя цепочку с медальоном в виде овала, разделенного пополам, и надевает на мою шею. Крепко обняв, она тут же отпускает меня:

— Беги!

— Обещай, что скоро нагонишь меня!

Мама смотрит на меня прощальным взглядом: в нем столько любви, ласки и гордости, что я едва

не реву в голос. Не хочу прощаться навсегда! Не хочу уходить! Не хочу оставлять ее здесь одну!

— Береги мой медальон, вернешь его, как только мы увидимся вновь.

С улицы доносится треск и крики, раздающиеся уже громче прежних. Мама взмахивает рукой в сторону входной двери — та слетает с петель от мощного порыва ветра — и шагает навстречу войне. Смерти. У ее пальцев клубится раскаленный добела огонь.

Я вбегаю на кухню, набрасываю ремень сумки с запасами на плечо и устремляюсь на улицу через заднюю дверь. Несуь мимо грядок с овощами, которые мы посадили буквально на днях, использую магию воздуха, чтобы легко перепрыгнуть через забор, и падаю на одно колено с другой стороны. Не оглядываюсь. Срываюсь напрямик в лес, который поднимается густыми деревьями и кустами по холму. Лес меня укроет, поможет, как и всегда.

Сейчас я не думаю ни о чем, кроме того, чтобы забраться на вершину как можно скорей, словно я решила поохотиться и очень спешу не упустить добычу. И только оказавшись наверху, в месте, где деревню полуэльфов видно как на ладони, я падаю в высокую траву у широкого ствола и впиваюсь взглядом в развернувшийся внизу бой.

Мужчины и женщины, как и моя мать, встали на защиту своих домов. В их руках мечи и ножи.



Те, кто может, используют магию. Выстоять против людей у них шанс есть. Выстоять против мага — нет. Но он не спешит вмешиваться. Пока всю грязную работу выполняют его бешеные псы, убийцы: отряд людей, намного превышающий численностью жителей деревни. Их окровавленные мечи мелькают тут и там, вспарывают животы и шеи полуэльфов. Их броня отбрасывает блики в лучах заходящего солнца. Но и она спасает не всех. Не от огня, который бросает мама.

— Чистая! Среди них есть Чистая!

Вот тут-то маг крови и начинает действовать.

Я мысленно ругаю маму за то, что та себя выдала. Но у нее нет другого выхода — она защищает группу тех, кто уводит в лес детей и стариков.

Среди лязга сражения и криков боли раздается эхо маминого голоса:

— Не стоит тебе, маг, пускать себе кровь!

Я впиваюсь взглядом в их высокие фигуры, одна под стать другой. Волосы и подол платья мамы развеивает ветер, подвластный ее воле, а вот балахон и капюшон мужчины висят на нем без движения. Одна из ладоней мага отбрасывает блик: нож, спрятанный в рукаве. Секунда — и клинок со скоростью света летит в мою мать.

— Я не слушаю советов эльфов!

Мама обхватывает пальцами рукоятку ножа, вонзившегося ей в живот. Она падает на колени, а затем заваливается на бок.

Не верю своим глазам. Не верю, что мою умную, добрую, нежную и безмерно сильную мать лишило сил такое ничтожное оружие, как нож. Не верю! Почему она не сотворила щит?!

Стиснув зубы, я присаживаюсь на одно колено и прикладываю к тетиве лука стрелу. Стреляю я метко, и стрелы мои быстры, как ветер.

Вдох. На выдохе разжимаю пальцы. Стрела со свистом устремляется вперед, к чудовищу, что посмело тронуть мою маму. Вот только... Легкое движение пальцев убийцы, и стрела камнем падает ему в ноги, а взор устремляется в мою сторону.

— Догнать лучника и убить! — приказывает маг своей своре. — Их всех!

С его пальцев начинают сыпаться искры, и через секунду стоящий рядом дом охватывает мощное и ревущее пламя. Пасс рукой, и порыв сильного ветра разносит огонь в разные стороны, его жар охватывает дома моих соседей. Через несколько секунд горит вся деревня.

Люди в окровавленных доспехах поднимаются по холму, заходят в лес.

Я убираю лук за плечо, встаю и, не прощаясь ни с мамой, ни с местом, что служило мне домом долгие годы, бегу дальше в чашу. Мне не дали времени на прощание, но ничто не мешает мне дать клятву. И я клянусь, что однажды обрету силу и покончу с магами крови, с каждым из них. И начну с того, кто убил мою мать.



Глава 1

Таверна «Грязный Кирк» не зря носит такое название: внутри до одури воняет человеческим потом, кислятиной дрянного пойла и тухлым мясом, из которого Кирк, хозяин забегаловки, готовит отвратительную на вкус похлебку. Пол здесь не мыли годами, а в углу, над столиком, за которым я обычно сижу, живет целое семейство пауков. Пойманная в паутину муха противно и пискляво жужжит, пока к ней ползут хозяева, чтобы полакомиться. Но я вынуждена терпеть неудобства, потому что таверна Кирка — единственная забегаловка близ дорожного тракта, и только здесь могут объявиться те, кому нужен проводник.

Я закрываю глаза и откидываю голову на неровную каменную стену. Благо на голове шапка, которая смягчает острые углы. Сегодня я снова провела

весь день на Топях: помечала деревья, проверяла, как сильно сместились тропы и насколько громко можно шуметь, чтобы не привлечь тварей, что обитают в болотах. Это выматывает, но у меня нет выбора: чтобы странствовать по отвоеванным у эльфов землям, нужны человеческие деньги.

Кто-то грубо пинает мой ботинок, я сжимаю рукоять ножа под курткой и недовольно приоткрываю один глаз. Надо мной нависает сам хозяин забегаловки, от мужчины несет перегаром и тухлым мясом, а от тарелок на грязном подносе в его руке поднимается пар только что приготовленной похлебки.

— Чего тебе, Кирк?

— Вон, залетные, — дергает он своим костлявым подбородком в сторону кучки людей, появившихся в таверне полчаса назад, — проводника ищут. Я им сказал о тебе. Пойдем, познакомлю.

Кивнув, я отправляюсь вслед за стариком.

Кирк грохает поднос о деревянную столешницу с такой силой, что стол жалобно скрипит, а похлебка разливается по поверхности.

— Ну и вонь, — замечает кто-то.

— Вот она, проводница, — хлопает меня по плечу Кирк, и я недовольно морщусь. — Давай, рыжий, расплачивайся, как обещал.

Старик протягивает руку к широкоплечему и крепкому на вид мужчине с медными кудрями,



чем-то похожими на мои вихры, и густой бородой. Незнакомец, разглядывая меня, вкладывает в его мозолистую ладонь медяк. Кирк тут же уходит, а человек отодвигает для меня стул:

— Ния, верно? Садись, есть разговор.

Я принимаю приглашение и настороженно разглядываю людей. С ними всегда нужно быть начеку, особенно мне, полуэльфу, скрывающему свою сущность, потому я не упускаю из виду выражение лица каждого за столом.

Их пятеро: рыжий и холеный, что расплачивался с Кирком; мощного вида женщина, которую можно принять за чистокровного эльфа, если бы не совершенно человеческие уши и темные, грязные от дорожной пыли волосы; худой и долговязый паренек, согнувшийся в три погибели, словно пытается быть как можно незаметнее; и два здоровяка, похожих друг на друга как две капли воды. Последние настораживают сильнее прочих. Лица у них каменные — не поймешь, о чем думают, а по выправке понятно, что умеют сражаться. Но явно не из бешеных псов, которых таскают за собой маги крови. Нет в их глазах отголосков того, что однажды они вкусили эльфийской крови. А она всегда оставляет след. Всегда.

— Итак, Ния, — облакачивается на стол рыжий, в уголках его глаз появляются паутинки морщинок от усталой улыбки. — По дороге сюда мы столкну-